

Сергей Ковалев

Юбиляр не нуждается в дифирамбах. Это, с одной стороны, очень удобно мемуаристу, а с другой – налагает некую ответственность. Значит, юбиляр – человек, который понимает, что никто не обязан быть с ним согласным, и это не мешает полезному и дружескому общению. На самом деле дифирамбы писать довольно легко, а серьезные тексты гораздо труднее. Начну излагать свои тезисы об Арсении Борисовиче Рогинском.

Наше первое знакомство было заочным. Это произошло, когда я уже вышел из зоны и мне попали в руки выпуски «Минувшего»... Как назывался этот первый том – уже «Минувшее» или еще «Память», надо уточнить, потому что я хорошо помню, что это издание пришлось переименовать, так как слово «память» связалось с идиотскими, полуграмотными националистами... Раньше я про Арсения что-то слышал, когда он еще сидел, а я уже не сидел, и состояло оно в том, что в этом первом томе «Памяти» или «Минувшего» было посвящение Габриэлю Суперфину и Сергею Ковалеву, а я знал, что Арсений Борисович имеет прямое отношение к этому сборнику, и для меня это было очень лестно. А дальше наше знакомство состоялось уже после того, как Арсений вышел из тюрьмы. Оно довольно быстро развивалось и очень скоро переросло в тесные отношения. Я думаю, что эти отношения стали прочной дружбой почти с самого начала.

Я хочу перескочить в моих воспоминаниях на два самых существенных аспекта наших личных отношений и нашей совместной работы. Это тесно связанные вещи. Это период парламентской работы 1990–1991гг., может быть, затрагивающий чуть-чуть и 1992 г., в которой участвовал зародившийся «Мемориал», и это рождение «Мемориала» – второй, с моей точки зрения, очень важный момент, который имеет далеко не только «мемориальское» значение, в некотором смысле выходящее за российские границы, но об этом после. Так вот, в рождении «Мемориала» я-то принимал скорее номинальное участие, а Арсений был, я совершенно уверен в этом, фигурой номер один и остается таковой, и это главное достоинство, по-моему, нашего юбиляра. Отцов-основателей «Мемориала» много, как всегда, а настоящий, тоже как всегда, один. Рождение «Мемориала» вполне сопоставимо по своему смыслу с рождением Хельсинкской группы, детища Юрия Федоровича Орлова. Разница состоит вот в чем: эта группа сыграла огромную роль, это движение, начавшееся в Москве, было подхвачено во всем мире и стало международным Хельсинкским движением, но сейчас значение этой группы и этого движения, будем говорить честно, иллюзорное, а вот «Мемориал» не заблистал так сразу, он набирал силы, и известность, и уважение, и серьезное отношение в мире постепенно, и уровень этого значения несколько не снижается. Молва переменчива и любит то одних героев, то других, порой это псевдогерои, а вот серьезная работа делается навеки. Настрой «Мемориала», конечно, не принадлежит исключительно Рогинскому, но первая скрипка в этом настрое точно его.

Другая, наполовину мемориальная и, значит, по крайней мере на четверть рогинская, заслуга связана с молодым российским законодательством и с парламентской деятельностью Комитета по правам человека. Надо сказать, что все законопроекты Комитета по правам человека писались коллективно. Комитет состоял из довольно симпатичных парламентариев первого созыва, там были замечательные журналисты, вот тройка: Любимов, Политковский и Мукусев. Вполне дееспособны были Анатолий Кононов, Сергей Сироткин, Михаил Арутюнов... Михаил Михайлович Молоствов был не столько участником работы, сколько ее нравственным эталоном, так сказать, человеком, на которого надо равняться, он был символом девиза «Не надо врать». Были еще не члены Комитета, но полноценные труженики во всей этой непростой законодательной работе – это прежде всего Арсений Рогинский, Олег Орлов, Никита Охотин.

Надо понимать, что такое был первый созыв Верховного Совета Российской Федерации. Его первый состав был, по-моему, самым сильным за всю историю российского парламента, но, боже мой, до чего же он был неоднороден. Достаточно сказать, что среди всего депутатского корпуса, этих тысячи с лишним, уж не помню, сколько там было – 1250, что ли, человек, 87 процентов составляли коммунисты, разные коммунисты. Например, какие-нибудь там завлабы, которые записались в эту партию ради научной карьеры, а вот в Верховном Совете, выделенной части всего парламента, постоянно работающей части, около 70 процентов тоже были коммунисты, но коммунисты уже непростые. Это были титулованные и значимые члены тогдашней коммунистической партии, еще КПСС.

Назову подготовленные в Комитете законопроекты, которые представляются мне самыми важными. Помимо «Декларации о правах граждан», принятой Верховным Советом, помимо работы над второй главой Конституции, фактически нами и написанной, были следующие: законопроект о реабилитации жертв политических репрессий – он подробно и трудно обсуждался всеми перечисленными настоящими работниками, а следовательно, в том числе Рогинским и Орловым, кажется, и Никитой Охотиным, а писал его Толя Кононов. Это первый и, может, самый важный законопроект. Я назову еще два, с моей точки зрения очень важных: это законопроект о внесении изменений и дополнений в Кодекс, регламентирующий права и условия содержания заключенных, и, как это ни странно, законопроект «О чрезвычайном положении». Надо сказать, что этот законопроект пришел в наш парламента в исходном виде еще до выборов, он готовился для внесения в Союзный Парламент, и там были авторами Володя Голицын и я, и были важные консультанты – Сергей Лезов, например. Этот законопроект я ставлю очень высоко и заранее скажу, какую роль он должен был бы сыграть на Северном Кавказе. Этот закон ограничивал действия власти и вводил их в рамки строгой регламентации в случае возникновения острых конфликтов на территории страны. Будь он применен в Чечне, ситуация там могла бы развиваться совершенно иначе, чем она развивалась, без всяких силовых эксцессов со стороны регулярных федеральных войск, войск МВД и всего этого... всей этой сволочи, которая там собралась. Так вот эти важные законопроекты, они вносились Комитетом в 90-м году, рассматривались парламентом... Я хочу подчеркнуть еще раз, что вклад Арсения Рогинского, Олега Орлова и Никиты Охотина на порядок превышал вклад подавляющего большинства депутатов, составлявших Комитет. Большинству надо было еще объяснять, что это значит, а вот мемориальцы это просто знали, знали исходно, что значит «права человека», что значит «политические репрессии», что значит сидеть в тюрьме и условия, в каких ты сидишь. И тут опыт Арсения Борисовича играл не последнюю роль: он входил в детали, как это ему свойственно, и умел обратить внимание на возможные повороты правоприменения. Я очень хорошо помню, как живо мы обсуждали тюремные условия и как предлагали совершенно революционные для России перемены, и все это было записано и не отменено до сих пор. Другой вопрос, что в тюрьме стало едва ли не хуже, чем было, но это не вина нашего законодательства.

Я должен еще вспомнить проект, который делал главным образом Михаил Георгиевич Арутюнов, о беженцах и переселенцах, неплохой по своему содержанию, по своей тогдашней роли закон, но, к сожалению, так же как и другие наши законопроекты, он канул в Лету.

Теперь я вернусь к «Мемориалу». Я уже говорил, что Арсений в «Мемориале» фигура номер один. (Это много значит, потому что личностей самого серьезного масштаба в «Мемориале» собралось много.) Эту оценку, по-моему, в «Мемориале» разделяют все, отлично понимая тот огромный воз непростых проблем, в разрешении которых Рогинский задействован больше всех и играет совершенно несомненно первую роль. Скажу о личностных качествах, которые позволяют такую

роль в «Мемориале» играть и без которых эта роль не могла бы состояться, без которой, в некотором смысле, не состоялся бы тот «Мемориал», который мы имеем.

Главенствование в организации непростых и значительных людей, каждый из которых имеет свои идеи, а потому и свои интересы, на поверхностный взгляд – это отчетливо выраженная склонность к компромиссу, которая может даже выглядеть как беспринципность. Но это совершенно не так. Мне не один раз приходилось резко расходиться с Арсением во мнениях и в позиции. Иные из этих расхождений сохранялись долго, но они никогда не перерастали и не могли перерасти во взаимные обвинения. Я совершенно убежден в том (и имел возможность наблюдать много примеров), что Арсений имеет очень жесткую, непреходимую границу в своих оценках, в своих суждениях, в своих действиях. Непреходимую нравственную границу. Я готов упомянуть один пример. Как известно, у «Мемориала» было несколько отцов-основателей. Один из них, очень активный организатор «Мемориала» на первом, недолгом, этапе жизни попытался разделить «Мемориал» по интересам, учредить в «Мемориале» двоевластие. Так сказать, попытка строить из общества некое личное хозяйство. Я знаю, что Арсений категорически отверг это. Генеральная стратегия первого лица «Мемориала» состоит в том, что нет места личным амбициям. Личные заслуги возникают в результате работы, а не в результате удовлетворения амбиций, и в таких сложных, не побоюсь этого слова, высоких организациях, как «Мемориал», – это единственно верный принцип.

Рогинский всегда ищет компромисс. Я бы даже сказал, он мастер компромиссов, но это никогда не компромисс интересов, это всегда попытки найти соприкосновения точек зрения. При этом во всем, что он делает в «Мемориале», просто отсутствует личный интерес. Общественные поощрения и т.п. должны быть результатом работы, а это очень важная, далеко не всем доступная идеология. У нас с Арсением Борисовичем есть преодоленные расхождения, и в этом преодолении, я думаю, всегда главная заслуга принадлежит ему, а не мне; а есть непреодоленные, и это не мешает нашим отношениям. В этих непреодоленных разногласиях могут быть шаги навстречу друг другу, не завершившиеся полным согласием. Ну и что же? Это никак не сказывается ни на отношениях, ни на делах.

Хочу закончить кардинальными и резкими утверждениями. Мне кажется, Арсений Борисович Рогинский к этого рода соображениям неотъемлемо причастен. Соображения очень простые – выход из безвыходной, казалось бы, российской ситуации, вернее, из отвратительной глобальной ситуации я представляю себе единственным образом: это бунт интеллектуалов, международный бунт интеллектуалов. Объясняю: репетиция этого бунта уже состоялась в 60–80-е годы прошлого столетия, а Арсений Борисович Рогинский был прямо причастен к этой репетиции. Что я имею в виду? Что это вообще такое – бунт интеллектуалов? Это нежелание удрать, это подчинение принципу «Делай, что должно, и будь, что будет». Этому принципа держался Андрей Дмитриевич Сахаров, не стеснявшийся прямо на него сослаться; этого принципа, ближе или чуть дальше, держимся мы все, и Арсений Борисович Рогинский – совсем не в последнюю очередь.

Скажу еще несколько слов об упомянутой мною репетиции бунта в 60-е – 80-е годы. Это микробунт людей, которые были готовы сидеть ни за что, сидеть без каких бы то ни было практических результатов своей оппозиционной, своей честной и последовательной позиции. Что было венцом этого бунта? Венцом была учрежденная Юрием Федоровичем Орловым Хельсинкская группа. Эта группа не могла бы состояться без некоего предшества. Предшество – это «Хроника текущих событий», обращение Инициативной группы с жалобой на собственное правительство в Организацию Объединенных Наций, наконец, само образование Инициативной

группы. Все это известно и расписано в исторических деталях. Вопрос: а что, перелом, совершившийся в Советском Союзе в 1985-м и последующие годы, это прямое следствие этого бунта интеллектуалов? Ничуть не бывало. Ни Горбачев, ни его верные сотрудники Шеварднадзе и Яковлев совершенно не имели этого в виду. Этот бунт интеллектуалов, как они полагали, мешал им.

Какова на самом деле роль бунта интеллектуалов в наступившем тогда переломе? Совсем не прямая, довольно косвенная роль. Международная общественность, та самая, на которую Советский Союз долгое время стремился опираться, которая расценивалась советской властью как полулевая, розоватая общественность и потенциальный партнер, на которую были направлены пропагандистские усилия советской власти, – эта самая общественность вдруг посмотрела на Советский Союз другими глазами. Она с удивлением отметила, что многочисленные командировки мировых культурных авторитетов в Москву, чтобы посмотреть на кремлевских мечтателей, – чистая лажа, чистая фикция. И вдруг увидела совсем другое общество, и вдруг начала понимать, что советское равноправное верховенство в мировом сообществе таит в себе гигантскую опасность. Совсем отчетливо западные политиканы вдруг увидели, что их собственная общественность, самые авторитетные люди западного гражданского общества готовы поддержать ультимативные требования к Советскому Союзу. И это понимание со стороны своего общества побудило западных политиков заявить жесткие требования, а у Горбачева хватило ума и мужества эти требования принять. Так начался перелом в самой страшной стране, противостоявшей демократии и свободе.

Такова наша недавняя история, а история эта имеет тенденцию повториться. Я полагаю, что Арсений Борисович Рогинский был далеко не последним человеком в том микробунте интеллектуалов, а я бы сказал, что он был одним из самых глубоких участников этого микробунта. Глубина – важная черта этого участия. Это – безупречная историческая честность серьезного исследователя отечественной истории и готовность входить в нелегкие, часто опасные детали. То же самое и сейчас. Единственный выход из сегодняшнего мирового политического тупика, я подчеркиваю, глобального политического тупика, в котором не последнюю роль играет низкий прагматизм западного эстеблишмента, – это бунт интеллектуалов.

Согласен со мной Арсений Борисович или не согласен, считает ли он себя деятелем этого вновь назревшего бунта интеллектуалов, это не так важно, а важно, что, с моей точки зрения, в этом бунте он играет заметную роль и позволяет ее играть обществу «Мемориал». Если этого бунта не случится – ну что поделаешь. Я хотел бы надеяться, что это произойдет, и, более того, по-прежнему нахожу международный бунт интеллектуалов единственным выходом из того тупика, в который загнала нас наша пассивность в нашей неблагоприятной новейшей истории.